

УДК 159.942.07 + 93/94
ББК Ю925.21

ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОКРАШЕННОСТЬ ТЕКСТА: ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.А. Кривоногова

В статье проанализированы основные позиции, сформировавшиеся в современной исторической науке базовые подходы к анализу психоэмоциональной окрашенности текста. Предложена типология текстов в зависимости от их эмоциональной окрашенности, определены основные методы современных наук используемые для ее выявления.

Ключевые слова: эмотив, психоэмоциональная окрашенность текста, исторический источник, история эмоций, историография.

Современный этап развития исторической науки характеризуется существенными изменениями. Л.П. Репина определила их как ломку культурной парадигмы, которая вызвала пересмотр эпистемологических основ гуманитарного знания... переосмысление самого идеала научности и резкое падение престижа не только «социально-научной» истории, но и более «мягких» культур-антропологических версий «новой историографии» [12, с. 224–225].

Несомненно, одним из проявлений «резких» культур-антропологических версий «новой историографии» можно считать и историю эмоций. Современный интерес к эмоциям представляет собой новую попытку объективации внутреннего мира человека, попытку найти с помощью разума (науки) «неуловимую» и «невидимую» силу, определяющую поведение человека в обществе и истории, сформировав, по выражению И. Винницкого, новое представление о человеческой истории как сложной и противоречивой «игре чувств» [1].

Новое проблемное поле исторической науки с неизбежностью актуализировала вопросы об историческом источнике. И.Н. Данилевский, в частности, одну из причин нового методологического поворота видел именно как понимание ограниченности прежних подходов к тому, что и как может быть воссоздано на основании изучения исторических источников [4, с. 5]. Примечательно, что подобного рода высказывания находили место в отечественной исторической науке еще в конце 60-х гг. XX века. А.А. Зимин отмечал, что «возможно, дальнейший прогресс источниковедения будет зависеть прежде всего от совершенствования приемов анализа памятников прошлого... причем путь построения новейшей методики источниковедения проходит именно через стык наук» [7, с. 436].

О значении междисциплинарного взаимодействия как фактора методологической трансформации исторической науки говорит и О.М. Медушевская. Цитируя Ж. Дюби, заявлявшего, что в 60-е годы социальная антропология, приобретшая широкую известность благодаря трудам Леви-Строса, бросила историкам форменный вызов, Медушевская отмечает, что под ее влиянием антропологии расширилась проблематика изучения традиционных типов культур, семьи и дома, крестьянского быта, празднеств, народных ремесел и искусства, т.е. углубляя взаимодействие с антропологией, этнологией, социологией, историческая наука расширяет свою проблематику [10]. Немалую роль в этом процессе сыграло и литературоведение, которое «опираясь на достижения лингвистического анализа, обратилось к более глубокому исследованию межличностного, межсубъективного общения» исторических субъектов [10].

Таким образом, в условиях нового методологического дискурса с абсолютной определенностью возможно говорить о необходимости формирования нового подхода к анализу информационных возможностей исторического источника и, в частности в контексте психоэмоциональной окрашенности текста.

Теоретические основы такого подхода начали формироваться в исторической науке, и в том числе отечественной, достаточно давно. А.С. Лаппо-Данилевский еще в начале XX века указывал как на основную сложность анализа исторического источника на тот факт, что «свое знание о большинстве сложных исторических фактов историк принужден почерпнуть из чужих наблюдений, воспоминаний и оценок» [9, с. 356]. В связи с этим определяя исторический источник как результат «человеческого творчества в широком смысле слова» А.С. Лаппо-Данилевский рассматривал его как «психический продукт» [9, с. 356–357], обосновывая при этом необходимость «особого рода предосторожностей» при обращении с этим контекстом исторического текста, в связи с тем, что «такая психика, разумеется, в качестве ранее бывшей...», а соответственно «могла быть иною, чем теперешняя, что она далеко не полно отразилась в источниках, особенно если они сохранились только в обломках или в отрывках» [9, с. 357]. На особенность теории А.С. Лаппо-Данилевского как практически первую попытку «психологической интерпретации» источника обратил внимание в свое время Г.Г. Шпет [16, с. 246].

Современник А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Шахматов, анализируя русскую летописную традицию, так же приходил к выводу, что «рукой летописца водили не отвлеченные представления об истине, а мирские страсти и политические интересы» [14, с. 16].

Развитие концепции «чужой одушевленности» В. Дильтея находит свое отражение и в русской философии, в частности в трудах И.И. Лапшина, много внимания уделявшего философскому анализу музыки и художественных текстов¹.

Установление идеологического, и, соответственно, методологического, единообразия, ставшего закономерным явлением укрепления советской власти, привело существенному торможению в развитии данного подхода в отечественной исторической науке. Однако появление работ О.М. Фрейденберг², Б.А. Романова³, М.М. Бахтина⁴ наглядно иллюстрирует сохраняющийся интерес отечественных историков к анализу текста, в том числе и в совокупности его эмоциональных проявлений.

Не остаются без внимания в это период и методологические аспекты изучения психоэмоциональной окрашенности текстов. Весьма показательной в этой связи представляется работа А.Я. Гуревича «Социальная психология и история: Источниковедческий аспект», предлагавшая рассматривать источник в контексте более широкого целого (стиль мышления, господствовавший в изучаемую эпоху в обществе или в определенных его группах, связанный с ним комплекс представлений, символический язык, посредством которого они выражались) [3, с. 425]. Данный подход был на практике реализован А.Я. Гуревичем в собственных многочисленных исследованиях, заложившим по сути изучение истории ментальности в отечественной исторической науке.

Современный этап развития отечественной науки характеризуется в том числе и процессом выработки конкретных методов изучения психоэмоциональной окрашенности текстов, значительную роль в котором играет и интеграция зарубежных достижений в этом вопросе.

Автор классической книги об «эмоциональных сообществах» Средневековья Барбара Розенвейн [18] предлагает набор методологических требований и рекомендаций к историческим исследованиям переживаний прошлого и настоящего [19]. Прежде всего, пишет Розенвейн, следует составить досье доступных источников для каждого эмоционального сообщества, причем желательно, чтобы источники отражали не один, а несколько «голосов» представителей данной группы. Необходимо также

¹ Проблема чужого «Я» в новейшей философии. СПб., 1910; Философские мотивы в творчестве Н.А. Римского-Корсакова. СПб., 1911; Психология эмоционального мышления Генриха Майера // Новые идеи в философии. Сб. 16. СПб., 1914; Эстетика Достоевского. Прага, 1923; Метафизика Достоевского // Воля России. 1931. № 1–2.

² Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.

³ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1947.

⁴ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

проблематизировать термины эмоций, которыми мы оперируем в исследовании, и учитывать современные для изучаемой эпохи представления о чувствах. Розенвейн также советует взвешивать значения слов и фраз, выражающих эмоции данной группы, чтобы установить их относительную важность для данного сообщества. Важным качеством исследователя эмоций является умение «читать молчание» исторических источников, так как запрет на обсуждение определенных переживаний является симптоматичным для «эмоциональных сообществ». Необходимо также уметь правильно читать эмоциональные метафоры и допускать возможность иронического выражения эмоций в доступных историку источниках. Заключительной стадией исследования должно стать изучение социальной роли эмоций (последние, по Розенвейн, являются социальными сигналами) и изменений, которые претерпевают эмоции в истории данного сообщества [19].

Конкретные методики анализа психоэмоциональной окрашенности текстов, используемые сегодня в исторической науке опираются, в значительной мере на достижения психологии, лингвистики, литературоведения и требуют учета следующих теоретических положений.

Тексты представляются важнейшим механизмом сохранения исторической информации, что позволяет использовать их в том числе и для реконструкции и внетекстуальной природы эмоций на основе текстуального анализа. Если же эмоции не выражены в тексте, то они стираются и исчезают, поэтому мы не имеем возможности их воссоздать [17].

В зависимости от психоэмоциональной окрашенности тесты могут быть условно разделены на две группы: художественные и фактологические. К первым с полным основанием, помимо произведений собственно художественной литературы следует отнести источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма, записки и др.), публицистику. Независимо от аксиологической направленности, эти тексты всегда эмоционально насыщены. В них эмоции важны сами по себе: они не покидают границ ментального пространства, скрываются, накапливаются, «не разрешаются в поступок»; доступным для восприятия читателя оказывается только языковая форма выражения или обозначения эмоции. Автору исповеди принято выражать эмоции, эмоциональную оценку, эмоционально воздействовать на адресата. Кроме того, сфера эмоций соотносится с закрытостью ментального пространства и проявляется через оценку. «Семантические ключи» к категоризации мира определяются общей культурной ориентацией конкретных социумов, которые по-разному относятся к различным эмоциям и, соответственно, по-разному выбирают для них социальные коннотации [13, с. 57–59].

Фактуальными представители нарратологии воспринимают текст «от противного»: это текст, где вымысла нет [6; 15]. При этом необходимо понимать, что в самом документальном тексте неизбежно присутствуют мо-

менты, когда автор передает информацию, апеллируя к собственному социальному, бытовому или эмоциональному опыту, общему с опытом среднего читателя. Об этом пишет А.В. Глазков, исследуя механизм валидации факта, то есть оценки описываемого с позиции достоверности [2, с. 99–100].

На протяжении XX в. исследовали анализируя эмоциональные компоненты исторических реалий обращались в основном к художественным текстам. Методологический поворот к антропологической атрибуции всякого знания приводит к необходимости анализа эмоциональной окрашенности в том числе текстов, отражающих разнообразные сферы социальной деятельности (юридические, медицинские, рекламные, новостные, исторические тексты).

Единицей психологического анализа относительно текста выступают компоненты, обеспечивающие речевую деятельность – письмо или произношение, – это обеспечивается тем, что «в высказывании, тексте объективируется вся совокупность психологических условий деятельности и индивидуально-психологические особенности её субъекта» [8]. Другими словами, единицами психологического анализа текста могут выступать: представления субъекта о языке, отражение в сознании языковой способности, мотивы, интенции и др. Однако вне зависимости от типа ко всем единицам анализа предъявляются два требования, которые обычно трудно совместимы на практике: единицы контент-анализа должны однозначно опознаваться в тексте и одновременно должны быть значимы для последующей (политологической, культурологической, социологической и т.д.) интерпретации [11, с. 30].

Конкретная методика обработки фактического материала проводится, как правило, методом фиксации контекстов, содержащих обозначения эмоций в текстах. Для этой цели могут быть использованы целый ряд программ.

SentiScan – технология распознавания сентимента (тональной окрашенности сообщений) на основе двух групп методов: 1) основанные на машинном обучении и статистике и 2) подходы, основанные на правилах. Есть ещё и методы соединения обоих подходов, а также новомодный алгоритм на нейронных сетях. В технологии SentiScan использован так же и технология поиска именованных сущностей и определение сентимента по отношению к ним.

Пси Офис – программа поиска вложенных слов, преследующая цель нахождение скрытого смысла, подтекста, возможно неосознанного автором. Скрытый текст может содержать вытесненные желания, подсознательные установки, то, каким человек подсознательно желает представить себя и быть воспринятым.

ВААЛ – одна из наиболее разработанных на сегодняшний день система, позволяющая выявлять психоэмоциональную окрашенность текстов, личностно-психологические качества авторов текста, проводить углубленный контент-анализ текстов. Работа над системой ведется с 1992 года.

Система позволяет оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов и отдельных слов на подсознание человека, генерировать слова с заданными фоносемантическими характеристиками, оценивать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры текстов на подсознание человека, задавать характеристики желаемого воздействия и целенаправленно корректировать тексты по выбранным параметрам в целях достижения необходимого эффекта воздействия, оценивать звуко-цветовые характеристики слов и текстов, производить словарный анализ текстов, осуществлять полноценный контент-анализ текста по большому числу специально составленных встроенных категорий и категорий, задаваемых самим пользователем, производить выделение тем, затрагиваемых в текстах, и осуществлять на основе этого автоматическую категоризацию, производить эмоционально-лексический анализ текстов, настраиваться на различные социальные и профессиональные группы людей, которые могут быть выделены по используемой ими лексике, производить вторичный анализ данных путем их визуализации, факторного и корреляционного анализа.

Система реализована в виде набора DLL-библиотек, которые подключаются к наиболее популярному текстовому процессору Word for Windows.

Для английского языка разработаны системы, которые позволяют выполнить анализ эмоциональной окраски (TwitterSentiment, IDOL, AlchemyAPI, и др.).

Таким образом, изучение психоэмоциональной окрашенности текстов в современных условиях имеет не только серьезную теоретическую базу, но и существенно совершенствуется благодаря использованию новейших технологий. При этом следует помнить, что анализ эмоциональной окраски текста затруднителен не только в связи с проблемой выделения единиц оценки тональности, но и ввиду неоднозначности эмоциональной составляющей лексических компонентов. Широкое использование статистических методов, благодаря их простоте, имеет основной недостаток в том, что требуется размеченный корпус, что в свою очередь является крайне трудоемкой и дорогостоящей задачей. С другой стороны, методы, основанные на поиске эмотивной лексики на базе тональных словарей, напрямую зависят от полноты представленной лексики и с их помощью не всегда можно дать количественную оценку эмоциональной окраски текста.

Библиографический список

1. Винницкий, И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте». Обзор работ по истории эмоций [Электронный ресурс] / И. Винницкий. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2639>.
2. Глазков, А.В. Текст как образ мира vs. Мир как образ текста / А.В. Глазков // *The Peculiarity of Man*. – Nr. 17 – Toruń-Kielce, 2013. – S. 97–108.
3. Гуревич, А.Я. Социальная психология и история: Источниковедческий аспект / А.Я. Гуревич // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сб. ст. / отв. ред. С. О. Шмидт*. – М.: Наука, 1969. – С. 384–426.
4. Данилевский, И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов: монография / И. Н. Данилевский. – М., Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
5. Ерохина, Е.Г. Фактуальность исторического текста: основы лингвистического анализа [Электронный ресурс] / Е. Г. Ерохина // *Гуманитарные научные исследования*. – 2013. – № 4. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/04/2765>.
6. Женетт, Ж. Вымысел и слог (*Fictio et dictio*) / Ж. Женетт // *Фигуры: В 2 т.* – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – С. 342–451.
7. Зимин, А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси / А.А. Зимин // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы: сб. ст. / отв. ред. С. О. Шмидт*. – М.: Наука, 1969. – С. 422–438.
8. Зимняя, И.А. Лингвопсихология речевой деятельности: монография / И.А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
9. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: монография / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 472 с.
10. Медушевская, О.М. Становление и развитие источниковедения [Электронный ресурс]: монография / О.М. Медушевская. – URL: <http://www.avor-hist.ru/publish/istved1-2-14.html>.
11. Митина, О.В. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация / О.В. Митина, А.С. Евдокименко // *Вестник ЮУрГУ*. – № 40. – 2010. – С. 29–38.
12. Репина, Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история: монография / Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.
13. Фесенко, С.Л. Эмоции как элементы социокультурной реальности / С.Л. Фесенко // *Филология и культура: Материалы III-й Международной научной конференции 16–18 мая 2001 г. В 3 ч. – Ч. 3.* – Тамбов, 2001. – С. 57–59.
14. Шахматов, А.А. Повесть временных лет: монография / А.А. Шахматов. – Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. – Пг., 1916. – 245 с.
15. Шмидт, В. Нарратология: монография / В. Шмидт. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
16. Шпет, Г.Г. Герменевтика и ее проблемы: статья / Г.Г. Шпет // *Контекст*: 1991. – М., 1991. – С. 231–267.
17. Эмоции и переживания в истории [Электронный ресурс]. – URL: <https://spb.hse.ru/news/67792873.html>.

18. Rosenwein, В.Н. Emotional Communities in the Early Middle Ages [Электронный ресурс]: монография / В.Н. Rosenwein. – Ithaca: Cornell University Press, 2006. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2639#sthash.fgLleL0C.dpuf>.

19. Rosenwein, В.Н. Problems and Methods in the History of Emotions [Электронный ресурс] / В.Н. Rosenwein. – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2639#sthash.fgLleL0C.dpuf>.

[К содержанию](#)